

Где мог скрываться Мехрон?

Пробиваясь через взрывоустойчивые двери и стальные стены, Леонард Харгрейвс почувствовал, что с атмосферой было что-то не так. Само пространство изгибалось и скручивалось. Что-то создало мощные магнитные поля внутри базы, разрывая саму ткань реальности.

Как он и предполагал, крепость Мехрона также была ускорителем элементарных частиц. Гений активировал его? С какой целью? Как это могло помочь отбиться от армии у его порога?

— Пифия, куда мне идти? — спросил Леонард, но «услышал» только психические помехи. Что бы ни было внутри крепости, оно мешало телепатического контакту.

Он был сам по себе.

Леонард в конце концов попал в коллайдер крепости, замкнутый стальной контур, внутри которого с поразительной скоростью двигались частицы. Поток неизвестной синей энергии нёсся по гигантскому сооружению, и Красный Генем двигался в нём, как рыба в реке. Он не смог опознать частицы в коллайдере; возможно, они не были открыты современной наукой или не принадлежали реальности Земли.

К своему большому удивлению, Лео начал что-то видеть внутри потока. Голубоватые фантомы странных, нечеловеческих фигур, составленные из сырых данных, то появлялись, то вновь пропадали. Эти миражи не придерживались одной формы, постоянно меняясь.

Что происходит?

Живое солнце мог сказать, что окружающая энергия направлялась в одно место в центре объекта — точке соединения двух петель, составляющих символ бесконечности. Он двигался по направлению движения синего потока к его конечной точке, по ходу дела пробив ещё несколько стальных стен. Синий поток просачивался позади него, рассыпаясь на мелкие частицы.

Ускоренный курс Лео закончился в самом центре крепости, командном центре прямым из ночных кошмаров Гигера[1]. Вся комната выглядела как готический собор из стали, стены которого были живыми; металлические вены пересекали их, снабжая здание густой чёрной нефтью. Строение, казалось, могло дышать, а спиральные оловянные иглы образовывали столбы, удерживающие крышу. Глазоподобные экраны проецировали изображения битвы снаружи, а громкоговорители выкрикивали предупреждения.

Шесть гигантских биомеханических мозгов, каждый размером со слона, образовывали круг вокруг крошечного синего пятна, парящего посреди энергетического столба; это был координационный центр огромной базы. Все мозги были защищены от внешнего мира армированными стеклянными резервуарами и соединены толстыми проводами. Лео предположил, что это биомеханические суперкомпьютеры, на которых был развёрнут ИИ, управляющий всеми военными действиями своего хозяина.

Мехрон был здесь, стоял на платформе под синим пятном. На сморщенном старике была простая белая одежда, и для ходьбы ему требовалась чёрная трость. Единственное создание из плоти в этом ужасном железном сердце, он отдавал приказы служащему ему ИИ на боснийском языке.

— Перенести все данные на резервную базу. — Голос Мехрона был таким спокойным, таким тихим. Таким человеческим. — Активировать все оставшиеся юниты снаружи и открыть ворота.

«Передача данных начата», — ответил механический голос через громкоговорители. — «Предупреждение: пространственные координаты неполные. Ожидается высокая степень нестабиль...».

— Плевать на разрушение Сараево! Открыть ворота!

Мехрон вдруг заметил Леонарда, который навёл на него ладонь.

Теперь, когда он мог хорошенько взглянуть на лицо Гения, живое солнце осознал, что битва сказала и на нём. Мехрон, которому было уже за семьдесят, выглядел так, словно не спал несколько дней. Его глаза потемнели от усталости, руки дрожали от напряжения.

Он выглядел таким... таким обычным. Он не носил костюма и не был гиперболизированным харизматичным тёмным лордом. Мехрон был простым человеком, место которому в доме престарелых; человеком, убившим миллионы, возможно, миллиарды.

И всё же... он выглядел таким уставшим от всего этого. Разбитым десятилетием бесконечных войн.

Рука живого солнца дрогнула.

— Стреляй наверняка, — сказал Мехрон, с горечью глядя на Леонарда. — Второго шанса ты не получишь.

Вместо того, чтобы взорвать его, Леонард Харгрейвс посмотрел ненавистному диктатору прямо в глаза.

— Ты счастлив, Мехрон? — спросил он по-боснийски.

Вопрос застал Гения врасплох.

— Ты счастлив, живя вот так? — спросил Леонард. Хотя он не выпустил плазменный заряд, руку он всё же держал поднятой. Пифия содрала бы с него кожу живьём, если бы узнала. — Один в бункере, в окружении машин, убивая людей направо и налево? Это было твоим желанием? Ты счастлив, живя вот так?

Крепость задрожала, пока Гений обдумывал вопрос. Он посмотрел в сторону, прежде чем снова сосредоточиться на Леонарде.

— Нет, — устало признал Мехрон. — Нет, не счастлив.

— Тогда почему бы тебе не остановиться?

— Почему тебя это волнует? — огрызнулся Гений.

— Потому что... потому что я хочу верить, что человеческую жизнь нужно беречь. Даже твою. Я убью тебя, если придётся, но можешь называть меня наивным... если есть хоть малейший шанс положить конец этому по закону, я хочу попробовать. — Леонард сделал паузу, пытаясь подобрать слова. — Я не знаю, что сделало тебя таким, какой ты есть, но в глубине души ты должен понимать, что причинение вреда другим людям — не выход.

Он понимал. Леонард видел это на его лице.

— Прошу, сдайся мирно, — просил живое солнце. — Скажи своим машинам остановиться, и мы устроим тебе справедливый суд. Больше никто не должен умирать, даже ты. Ты начал это, и ты можешь положить этому конец.

Печаль на лице Мехрона внезапно сменилась гневом.

— Я ничего не начинал, — прорычал мужчина, его голос сочился ядом. Гнев, сдерживаемый годами, вырвался наружу. — Это сделали вы. Сербь убили моих сыновей в Сребренице[2], а вы все... вы просто смотрели! Если хочешь положить конец этой войне, перестань мне мешать!

Леонард получил ответ в напряжённом, полном ненависти взгляде мужчины.

Он никогда не остановится. Не имело значения, сколько человек должно было погибнуть, чтобы разжечь пламя внутри него; это был ад, который невозможно погасить. Этот озлобленный, ненавидящий мужчина никогда не остановится, пока не поставит весь мир на колени.

Демон, порождённый войной.

Леонард с сожалением открыл огонь.

Багровое силовое поле активировалось вокруг злобного Гения, отклоняя поток плазмы. Металлические и электрические устройства вокруг Мехрона расплавились, но военачальник остался совершенно невредимым. Подобные поля также защищали гигантские мозги от опасности. Леонард полетел к Гению, намереваясь прорваться через силовое поле и лишить Мехрона жизни.

Слева от него раздался рёв, открылась червоточина. Из неё появился тот самый биомеханический дракон, который тут же навёл когти на живое солнце.

Мощная гравитационная сила швырнула Леонарда в стальную стену, круша им механические панели. Дракон не ослаблял силу гравитации, пытаясь разорвать сердечное ядро Красного Генома.

— Он мог стать прекрасным! Новый Эдем! — Лицо Мехрона дёрнулось в гневе. — Я мог бы искоренить болезни, решить проблему голода на всей планете, принести мир! Увеличить продолжительность жизни, всё автоматизировать! Всё было бы идеально!

Злой Гений указал тростью на Леонарда, скрипя зубами в бессильной ярости.

— Если бы не ты... — Он ударил тростью о землю, его руки дрожали. — Если бы не такие люди, как ты, я мог бы спасти мир!

— Посмотри в окно, Мехрон! — сердито ответил Лев, пытаясь вырваться из гравитационного поля боевого зверя. — Ты не спас мир, ты его убил! Ты живёшь среди мертвецов!

Гений заметно вздрогнул, его пальцы вцепились в трость. К этому моменту он был так разъярён, что не мог строить связные предложения.

— Будь у политиков хоть капля воображения, я бы не... Я бы не загрузил все эти данные для убийства! Их нужно было остановить! Они никогда не слушали! Не могли понять!

Леонард проигнорировал этого маньяка и взорвал биомеханического дракона плазмой. Чешуя и плоть существа растаяли, остались только механические имплантаты и обожжённые кости. И всё же, что удивительно, он продолжал двигаться и не ослаблял давления.

Тем временем голубая сфера внутри энергетического столба начала расширяться, превращаясь в некую энергетическую линзу, пространственную аномалию, ведущую в место из ярко-синего света. Когда Леонард взглянул на этот разрыв реальности, он почувствовал, как что-то касалось его разума. На секунду он подумал, что это Пифия, но после сообразил, что телепатический сигнал исходит из пространственной аномалии.

Образы формировались в разуме живого солнца, как это было в голубом потоке. Яркие картины его детства в Хакни, в окружении криминала; первый день в Лондонском пожарном управлении, когда он помог семье эвакуироваться из горящего здания; как он обнаружил странный ящик в почте и багровое зелье внутри; день, когда они с Алисой основали Карнавал...

— Что это? — спросил Леонард, замороженный порталом и образами, которые он ему посылал. Даже сгоревший дракон перестал атаковать, очарованный силой, исходящей с той стороны синей червоточины.

— Хроники Акаши[3]... — пробормотал Мехрон, его глаза расширились от торжества. — Универсальный сборник. Все данные, вся информация, все знания, все намерения и эмоции — всё это исходит из этого места. Источник Синих сил, всех знаний Гениев... Синий мир чистого разума.

Мехрон указал тростью на портал, его ярость сменилась возбуждением.

— Всё здесь! Все секреты мира, всё, что может исправить его! Всё здесь! — Он повернулся спиной к Красному Геному, посмеиваясь про себя. — Даже ты должен видеть его красоту!

Мысленный поток образов продолжался, но вместо того, чтобы показывать картинки из собственной жизни Лео, они сменились на более странные видения. Об инопланетных мирах, покрытых огромными океанами, которыми правят рыбоподобные существа; о сверхновых, освещающих тьму космоса.

— С ними я могу начать сначала! — хвастался Мехрон. — Всё исправить! Как только я доберусь туда, я буду знать всё!

Леонард смотрел на синеву, обладающую божественным очарованием, пока не заметил крохотное пятно черноты.

Телепатический сигнал мгновенно прервался, изображения сменились чернотой. Экраны в помещении покраснели, а громкоговорители сменили пластинку: «Предупреждение: обнаружена аномалия. Предупреждение: обнаружена аномалия. Предупреждение: схождение с неизвестным измерением».

Синяя дыра, казалось, пожиралась тьмой внутри неё. Чёрные пятна медленно росли в синем портале, полностью его заражая. Комната, по ощущениям, замерзала, температура падала с угрожающей скоростью.

Даже Мехрон не имел понятия, что происходит.

— Это... это не синий мир... это что-то другое... это...

За несколько секунд синяя звезда превратилась в чёрную дыру, сферу тьмы, из которой не мог выбраться даже свет. Это была дверь не в измерение чистой информации, а в измерение пустоты и ничего.

— Оно целиком чёрное, — пробормотал Мехрон, глядя в бездну.

А затем...

Бездна взглянула в ответ.

Импульс тьмы вырвался из портала, испарив дракона, искусственные мозги и большую часть комнаты. Мехрон едва успел закричать, как его силовое поле исчезло, и пустота поглотила его.

Леонард почувствовал, как гравитационное поле дракона исчезло, но на его собственное поле теперь давила тьма. Инопланетная сила угрожала поглотить его, как чёрная дыра съела звезду.

Что-то смотрело на них с той стороны.

Тёмный взор снимал с Мехрона слой за слоем, как с луковицы. Кожу, плоть, кости, двигаясь сверху вниз. В считанные секунды Гений был стёрт из реальности, его атомы были разорваны на части и уничтожены.

Если бы не сердечное ядро, которое поддерживало его тело как единое целое с помощью мощного гравитационного поля, Леонарда постигла бы та же участь. Даже сейчас он чувствовал, как внешние слои его солнечного тела распадаются, как его молекулы превращаются в ничто. Непрерывный взгляд этого существа разрушит его сердечное ядро и разорвёт его на части в считанные минуты, как это случилось с Мехроном.

Его человеческий разум просто не мог постичь, на что он смотрел. Форма, отдалённо напоминающая Лео глаз, окружённая облаком тёмного пустого пространства; разумная дыра в реальности, живая тьма, пожирающая свет, вместо того чтобы быть изгнанной им. Колоссальная сущность, настолько сильная, настолько всемогущая, что разрушала их реальность, просто взглянув на неё.

И оно пыталось попасть сюда.

Чёрный портал медленно расширялся, радиус зловещего взгляда увеличивался. Существо за вратами продолжало смотреть, не подозревая или, возможно, не обращая внимания на нанесённый им ущерб. Если ускоритель частиц продолжит расширять портал...

«Мехрон каким-то образом убьёт всех в Сараево».

Когда ему на ум пришли слова Пифии, Леонард немедленно выпустил поток плазмы в портал. Пламя, обжигающее, как ядерный взрыв.

Оно быстро перестало существовать.

Оно не было поглощено дырой или погашено. Оно исчезло, не оставив после себя ни тепла, ни дыма. Тёмная сила по ту сторону портала даже не заметила контратаки Леонарда; одно её присутствие стёрло его пламя.

По сравнению с этим существом живое солнце был сродни муравью, пытающегося напасть на слона.

Если он не мог уничтожить портал напрямую, что ещё можно было сделать? Если он ничего не предпримет, эта штука сотрёт его с лица земли в считанные минуты, а затем сделает то же самое с крепостью. Разрушение ускорителя элементарных частиц, вероятно, вызовет взрыв портала, но Сараево будет уничтожено.

Разрушение ускорителя элементарных частиц...

Если Леонард сможет нанести достаточно большой урон по крепости, он сможет разрушить портал до того, как он станет больше. Но взрыв, который требовался... он мог стоить ему жизни.

Леонард подумал о сотнях людей снаружи. О героях, сражающихся за то, чтобы что-то изменить в этом мрачном, опустошённом мире. О друзьях вроде Пифии, у которых остались дома семьи; о солдатах, пытающихся восстановить добрую, демократическую цивилизацию. О хороших людях.

Леонард не колебался.

Он собрал всю оставшуюся энергию, призвал ту силу, что питала его сердечное ядро, и заставил своё ядро взорваться. Его тело стало белым, его сияние испепеляло комнату. Чёрная дыра поглотила большую часть жара, но не весь.

— Как говорится... — пробормотал он, вызывающе глядя в тьму за гранью. — Лучше уйти со взрывом, а не всхлипом![4]

Его последняя мысль была о товарищах снаружи, и Живое солнце стал сверхновой.

Свет Леонарда накрыл мир катастрофическим взрывом, и тьма вернулась туда, откуда она пришла.

Тьма.

Полнейшая тьма. Чёрное как смоль ничто. Он не видел, не слышал, не чувствовал запаха, не чувствовал вкуса. Он едва мог думать.

Он чувствовал холод.

Он чувствовал, что коченеет.

И более всего он чувствовал себя одиноким.

Была ли... была ли это смерть? Неужели тьма за тем порталом была загробной жизнью? А может, всё это галлюцинация, последнее «ура» его мозга перед окончательным концом?

Он никогда по-настоящему не верил ни в одного бога или загробную жизнь. Он думал, что просто исчезнет, перестанет существовать. По сравнению с вечностью во тьме это было бы милосердием.

Сколько он себя помнил, он всегда жил через других людей. Он мог быть похож на солнце, но в одиночестве он никогда не чувствовал тепла. Потому он заполнил эту пустоту с помощью товарищей-людей, и их счастье становилось его собственным. Одиночество всегда пугало его больше, чем смерть.

А сейчас он был наедине со своими мыслями. Наедине со своими сожалениями.

У него никогда не будет жены, никогда не будет детей. Он не написал ту книгу в жанре городского фэнтези, хоть всегда и говорил, что напишет. Он никогда не вернётся в Лондон и не увидит людей, которые остались там. Ему никогда не удастся помириться с некоторыми друзьями, с которыми расстался в плохих отношениях; он никогда не отомстит за семью Коста и не привлечёт Августа к ответственности. Он никогда не узнает, привела ли его жертва к лучшему.

Столько всего осталось недоделанным.

Но...

Он не расстроился.

Он пытался.

Он сделал всё, что было в его силах.

Он увидел свет во тьме. Ощущение было такое, будто он ведёт машину к концу длинного туннеля, но не видит, что находится за ним. Небеса? Последняя дверь? Кто был прав, христиане или мусульмане? Индусы или буддисты? Все сразу или никто из них?

Он не знал, но что бы там его ни ждало... он сможет с этим жить.

Он вошёл в свет.

◇□◇□◇

Леонард открыл глаза.

Вместо ангелов он видел только белый потолок.

Он вернулся в свою хрупкую человеческую форму, хотя и с некоторыми изменениями. На его чёрной коже теперь почему-то не было волос, а все мышцы болели. Его тёмные глаза изо всех сил пытались приспособиться к свету, но ему всё же удалось заметить двух человек, смотрящих на него сверху вниз.

— Полегче, Лео. — Проказливый телепортер Эйс улыбнулась своему другу. — Ты вернулся из самого ада.

— Рад видеть вас в сознании, сэр, — сказал Стич. Этот странный Генот всегда носил костюм чумного доктора, и Леонард ни разу не видел, как он выглядит под ним. — Вы заставили нас поволноваться.

— Где... — Глаза живого солнца акклиматизировались достаточно, чтобы видеть. Он был в каком-то подобии больницы, лежал на кровати и был подключён к аппаратуре.

Смерть пока не забрала его.

— Високо, — ответил Стич. — В нескольких десятках километров от Сараево. Мы эвакуировались сюда после боя.

— Мы победили! — Эйс сияла от счастья. — Победили, Лео! Мы, блядь, выиграли!

— Как долго я... — Леонард с трудом выговаривал слова. В горле пересохло и саднило. — Как долго меня не было?

— Три дня, — ответил Стич.

— А крепость Мехрона...

— Исчезла целиком, теперь там кратер из расплавленной стали и стекла. — Эйс улыбнулась ему, радуясь тому, что её друг жив. — Ты хорошо взорвал то место.

— По правде говоря, мы считали, что вы погибли во время взрыва, — сухо сказал Стич.

— Я тоже, — тем же тоном ответил Лео.

Эйс толкнула локтем чумного доктора за его бесчувственность, прежде чем снова взглянуть на Лео.

— Мы нашли твоё ядро в обломках, уменьшенное до белой сферы размером с ладонь. Твоей силе потребовались дни, чтобы воссоздать твоё тело, даже с помощью Напарника.

— Сараево взято, но город лежит в руинах, — пояснил Стич. — Сияющий рыцарь и её группа заняты уничтожением последних уцелевших роботов, но производственные предприятия были демонтированы. Геномные войны окончены.

Это был конец.

Эти слова сняли тяжесть с плеч Леонарда. Он вместе с Пифией основал Карнавал для борьбы с опасными Геномами и для помощи человечеству в восстановлении после Геномных войн. Мехрон был величайшей угрозой для всего человечества, а теперь... теперь его не стало. На это ушло почти десять лет, но, возможно, человечество наконец воскреснет из пепла старого мира.

И каким-то чудом Лео всё это пережил.

Может... может, ему стоит пересмотреть некоторые из своих убеждений. Увидев это существо за порталом и его околосмертный опыт, он задумался, не были ли религии в чём-то правы.

Стич откашлялся.

— Тем не менее...

— Тем не менее? — повторил Лео.

— «Бахамут» сейчас находится на орбите глубоко в космосе, далеко за пределами нашей

достигаемости, — сказал чумной доктор. — Казак попытался сбить его, даже сломал половину костей от перегрузки, но он был недостаточно быстр.

— Да какая разница? — спросила Эйс гораздо более оптимистично. — Никого не осталось, чтобы его активировать.

— Некоторые базы Мехрона остались, — пессимистично ответил Стич. — И, хотя наш противник и все его союзники мертвы, нет никаких гарантий, что никто другой не сможет найти способ взломать спутник. Я считаю, что мы ещё пожалеем об этой неудаче.

— «Людей переживают их грехи», — процитировал Леонард, снова уставившись на белый безжизненный потолок. Смотрел ли «Бахамут» на них сверху, далеко над их головами? — «Заслуги часто мы хороним с ними»[5].

— Это из Шекспира, сэр?

— Не знаю, — признался Лео. — Я только запоминал известные цитаты. Я думал, что так буду казаться умнее.

— Не получилось, — усмехнулась Эйс, но её улыбка не коснулась глаз. Что-то давило на неё. — Кстати, он мёртв? Не сбежал в последний момент или не припрятал где-нибудь своего клона? Мехрон действительно мёртв?

Воспоминание о дезинтеграции Геня мелькнуло в голове Леонарда, к его большому беспокойству.

— Да, — мрачно сказал он, но его союзники облегчённо вздохнули. — Он мёртв окончательно, и я не думаю, что он вернётся после такого.

Воспоминания всё ещё вызвали у Леонарда мурашки по спине. В действиях этой сущности не было злобы или доброжелательности; только любопытство. Это богоподобное существо просто заметило брешь и посмотрело сквозь неё, как ребёнок в замочную скважину. Лео с лёгкостью мог оказаться на месте Мехрона, повези ему меньше.

Нет, он не должен так думать. Ему дали новый шанс в жизни, и он воспользуется им, глядя вперёд, а не назад.

Хотя, если там, снаружи, были настолько могущественные существа, и они ждали...

— Сколько жертв? — спросил Леонард, пытаясь отвлечься от экзистенциального страха с помощью приземлённых новостей.

— Один из четырёх, — ответил Стич. — Это был хороший день.

— Джесси погибла, — нахмурившись, ответила Эйс, гораздо менее оптимистично. — Её брат убит горем. Думаю, он уйдёт.

Эта новость опечалила Леонарда Харгрейвса. Из-за регулярных схваток с самыми опасными Геномами Карнавал испытывал большую текучку кадров, теряя людей почти в каждом бою. Леонард похоронил слишком много хороших людей.

— Мистер Волна? Пифия?

— Мистер Волна... ну, ты его знаешь. Он хвастается своим «Счётчиком убийцы роботов» перед каждым, кто его слушает. — Лицо Эйс ожесточилось. — А вот Пифия...

Она взглянула на другую больничную койку, Лео проследил за её взглядом. Его глаза расширились от ужаса от того, что он обнаружил.

Алиса лежала на соседней кровати, под сильными седативными и внутривенно подключённая к медицинским устройствам. Она была бледна как смерть, а взгляд был пустым.

Безжизненным.

— Алиса! — Леонард попытался встать с кровати, но ему не хватило сил подняться. Эйс, нахмурившись, положила руку ему на грудь, чтобы заставить его вернуться в кровать. — Дерьмо!

— Эй, успокойся, — нахмурилась Эйс. — Ты ещё болен и ничего не можешь для неё сделать.

— Она в таком состоянии с самого конца битвы, сэр, — объяснил Стич с клинической холодностью. — Её симптомы соответствуют сильному повреждению мозга.

— Она перенапрягала свои силы, — с грустью осознал Лео. Он предупреждал её, но она была готова рискнуть всем.

Может, она всегда знала, что так всё закончится.

Чумной доктор кивнул.

— Нидхёгг мог бы вылечить её, если дать ему время. Он сказал, что, учитывая её ключевую роль в сегодняшней победе, будет вполне естественно, что он поможет ей восстановиться.

Леонард вздрогнул.

— Учитывая методы этого человека, мы должны предупредить её мужа и сына. Это их выбор, не наш.

— Я уже позвонила им. — Эйс покачала головой. — Бедный Матиас.

— Мисс Мартель кое-что оставила для вас, сэр, — Стич протянул Леонарду USB-флешку. — Прошу прощения за бестактность, но мы уже посмотрели.

— Что на ней? — нахмурившись, спросил Леонард.

— Предсказательный анализ следующих нескольких лет, — объяснил Стич. — Она с Вычислителем перед битвой составили базу данных о величайших угрозах человеческой цивилизации. Предположу, что Пифия предвидела свою судьбу и хотела помочь нам напоследок.

— Полагаю, Август есть в списке? — спросил Леонард ядовитым тоном. Он получил второй шанс увидеть свершившееся правосудие, и он не упустит его.

— Да, — кивнула Эйс, её лицо стало мрачным. — Но кое-кто другой занял первое место.

Это удивило Леонарда. Кто может быть опаснее непобедимого военачальника, страдающего манией величия?

— Кто?

— Какой-то Псих по имени Кровоток, — рассказал Стич. — Согласно этим данным, существует высокая вероятность того, что он вызовет массовое вымирание в 2017 году, если его не убьют раньше.

— Думаю, это как-то связано со смертью его дочери, — добавила Эйс, нахмурившись. — Августу придётся подождать, Лео. На этого Психа стоит ограничение по времени.

Леонард посмотрел на USB-флешку, гадая, какие мрачные пророчества на ней записаны.

— Кровоток...

[1] Швейцарский художник, представитель фантастического реализма, наиболее известный

своей дизайнерской работой для фильма «Чужой»

[2] В 1995 году в ходе Югославских войн в Сребренице произошла резня, где погибли около восьми тысяч местных боснийских мусульман

[3] Термин, описывающий мистическое знание, закодированное в нефизической сфере бытия.

[4] Почти дословная цитата строки из стиха Томаса Элиота «Полые люди»

[5] Пьеса Шекспира «Юлий Цезарь», в переводе И. Б. Мандельштама (1950). Дословный перевод — «Зло, что творят люди, живёт после них; добро часто предаётся земле вместе с их костями»

<http://tl.rulate.ru/book/47272/1539027>